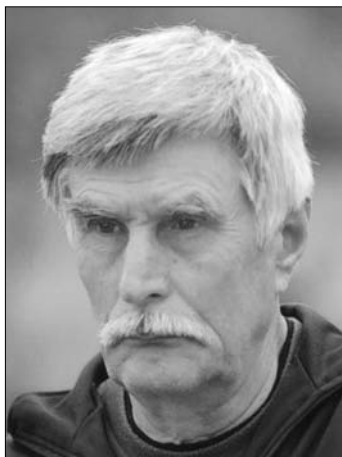

ВИКТОР МАНУЙЛОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

РАССКАЗ

Проخور с трудом приподнялся на руках, посмотрел в сторону остановки автобуса: четверо крепких парней в кожаных куртках пересекали дружной стайкой дорогу, над ними встухали голубоватые дымки. Никто из них даже не обернулся — настолько он был им неинтересен. Вспомнилось, как один из них сказал, и тоже равнодушно, но с нотками превосходства над другими:

— Хватит его месить: нам за лишнее не платят.

Тогда самый молодой и особенно ретивый последний раз ткнул Прохора ногой по ребрам и, сплонув, хохотнул:

— А я только разошелся, блин!

И после этого Проخور еще некоторое время лежал, не шевелясь, парализованный всем случившимся, слыша лишь удаляющиеся шаги.

Его били недолго. Он даже не пытался сопротивляться: и потому, что ничего не понял, а более всего — не успел. Они, четверо русских парней, встретили его, когда он, покинув рынок, свернул в переулок, направляясь к автобусной остановке, и тот, по чьей команде закончилось избиение, плотный, рослый крепныш, спросил равнодушным голосом, заступив Прохору дорогу:

— Тебя предупреждали, чтобы ты здесь больше не появлялся? Предупреждали. А ты не вял... — И тут же коротким, но таранным ударом под дых заставил Прохора согнуться.

МАНУЙЛОВ Виктор Васильевич родился в 1935 году в Ленинграде. Закончил редакционно-издательский факультет Московского полиграфического института. Печатался в журналах "Молодая гвардия", "Воин России", "Юность", "Подъём" и др. Живёт в Москве.

А потом удар под коленки, по ребрам. Он даже не понял, как очутился на грязном асфальте: то ли его сбили, то ли сам лег и теперь лишь прикрывал лицо руками да поджимал к животу ноги, не зная, что именно так и должен поступать в подобных случаях — руки и ноги сами знали, что им делать.

Прохор был мужиком здоровым и сильным, таким добродушным сорокадвухлетним увальнем. Он шутя поднимал десятиведерную бочку с солеными огурцами или квашеной капустой и, может быть, поэтому никогда не занимался спортом, полагая, что его силы хватит на все — в том числе и на то, чтобы постоять за себя, и теперь, лежа на холодном асфальте, грязном, в слякоти растаявшего снега, чувствовал себя не просто избитым, а униженным и оскорбленным.

Мимо него шли люди, шли торопливо, никто не остановился, не спросил, в чем дело, — и это тоже было тем новым, что пришло в их жизнь с новыми порядками.

С трудом поднявшись на ноги, Прохор постоял, крихтя и оглядываясь: болели ребра, спина, особенно сильно под коленом, дышать приходилось через боль. Подняв свою сумку, он пошел к автобусу. Парни ничего не взяли: ни деньги, ни сумку. Они не были грабителями. Да, его предупреждали, чтобы он не ходил на вещевой рынок со своими пирожками. Так ведь он продавал их не в открытую. Он разносил их по точкам, исключительно по заказу: одним пять пирожков с картошкой, другим десяток с капустой, третьим с яблоками или творогом. Пирожки пекла жена, а она умела это делать отменно: ее пирожки, пироги и торты хвалили все, кто их пробовал, и поначалу она же и носила продавать, но ее как-то прижали в темном углу, вырвали сумку, оставшиеся пирожки вытряхнули в грязь и предупредили: еще раз появишься, будет хуже.

— Все, — произнесла Дарья устало и обреченно, бросив пустую сумку возле порога. — Отторговалась. — И, не раздеваясь, села на ящик для обуви.

— Кто? — спросил Прохор, сжимая огромные кулаки. — Мы сейчас с тобой пойдем туда, и я их...

— Не выдумывай, — отмахнулась Дарья. — Пырнут ножом — вот и все твоё геройство. А у нас дети, родителям помогать надо...

И тогда Прохор, привыкший во всем слушаться более практичную в житейских делах жену, предложил:

— Ладно, я буду разносить: меня-то уж не тронут. Пусть попробуют.

Дарья долго не соглашалась, с содроганьем вспоминая грязный, вонючий контейнер, куда ее впихнули, когда она проходила мимо, вспомнила тот ужас, который испытала, понимая, что находится в полной власти этих чужих в ее городе людей, валяющиеся под ногами пирожки. Она даже не решилась закричать, понимая, что не успеет открыть рта, как ее... как ей... она готова была исполнить любое их приказание, лишь бы ее отпустили. А ведь с Прохором они церемониться не станут.

Но Прохор настаивал, доказывая, что с ним ничего не случится, и она сдалась в конце концов: может, и правда, не тронут. И почти неделю Прохор ходил на рынок со своей сумкой, и все ждал, что вот сейчас подойдут, окружают или еще что, и он... Что будет дальше, он представлял с трудом, но был уверен, что рассчитается и за жену и за себя, если они посмеют только... только посмеют поднять на него руку.

Конечно, был указ, что без лицензии, санитарного контроля и прочего торговать съестными товарами нельзя. Но куда деваться, если ничего другого они с женой придумать не смогли? А лицензия, контроль — это ж черт знает что такое! — в том смысле, что попробуй-ка походить за всякими справками, да тому дай на лапу, да этому. А еще потребуются крыша и со стороны бандитов, и со стороны милиции. Это сколько же времени пройдет! А жить надо сегодня, сейчас. И самим кормиться, и детей кормить, одевать-обувать. А с чего? Завод, на котором Прохор работал токарем высшего разряда, а Дарья — контролером ОТК, закрыли, все его помещения раздали под склады и офисы. Когда вся эта мутота с приватизацией начиналась, им внушали, а они верили, — и Прохор вместе со всеми, — что если завод станет акционерным обществом, дело пойдет лучше, потому что свое, не дядино. И акции раздали всем работникам в зависимости от стажа, и совет акционеров создали, но стало не лучше, а хуже: продукция их оказалась никому не нужной, отсюда ни работы, ни зарплаты. А вскоре объявились какие-то тем-

ные личности, стали скупать акции, завод обанкротился и пошел с молотка.

Нет, когда Прохор с женой и сотнями других таких же оказались на улице без гроша в кармане, до пирожков они еще не додумались. Вернее, Дарья не додумалась, потому что сам Прохор ни до чего додуматься не мог. Дарья поначалу взялась “челночить” то в Турцию, то в Польшу, покупая там всякое тряпье. А Прохор занялся частным извозом, но не прошло и месяца, как “жигуль” его сожгли, а тесть свой “москвичонок” пожалел. Да и то сказать: дача без машины, считай, пустое место. И Прохор вынужден был идти в напарники к своей жене. Из нужды вроде бы вылезли. Деньжата появились, подумывали о новой машине. Но они занимались куплей-продажей сами по себе, еще по старым, совковым, правилам: пришел на рынок, заплатил за место, разложил свой товар и торгуй. Да только вскоре обнаружили, что на барахолке все места заняли приезжие с Кавказа, и теперь, куда ни ткнись, везде они, и если хочешь торговать, то плати им же, делай то, что велют, иначе... Короче говоря, дело это стало невыгодным и опасным: помойся-ка по аэропортам и вокзалам, где тоже царят волчьи законы, и не только в России, но и за границей, где можно лишиться и товара, и денег, и жизни, выдержи-ка всю эту нервотрепку. Поэтому пирожки стали как бы следствием их пятилетнего опыта. И все шло более-менее нормально, пока об их новом бизнесе не прознали новые хозяева рынка. И не потому они на них ополчились, что ревностно блюли российские законы, а потому что отнимали едоков их чебуреков, шашлыков и цыплят-гриль, бог знает из чего сделанных и в каких условиях.

Прохор брел домой, с трудом переставляя ноги, стараясь дышать ровно, едва-едва, и более всего боясь, что Дарья, увидев его избитым, беспомощным, потеряет к нему, такому сильному и уверенному в себе, всякое уважение. И не только она, но и дети, и все, кто его знает.

Он брел, то и дело останавливаясь и отдыхая, оглядываясь и пытаясь понять, почему в этом мире все продолжает стоять на своих местах или двигаться, как стояло и двигалось до этого, в то время как он... как его... и почему он сам принимал так равнодушно сообщения о том, что где-то кого-то ограбили, убили, изнасиловали? Не верил, что это может случиться и с ним самим? Или потому, что все эти годы со всех сторон, изо дня в день так и сыпались всякие ужасы, так что люди, как и он сам, привыкли к чужим страданиям и покрылись коркой равнодушия? И получается, что кто-то очень старался и старается до сих пор, чтобы все они сделались равнодушными к чужому горю, ни во что не вмешивались, все мерзости принимали как должное.

Каждый за себя, один Бог за всех... Разве это правильно? Разве это человечески? Да и какое до них дело Богу? И есть ли он на самом деле? Раньше не было, а теперь, говорят, появился вновь. Теща, например, вдруг стала верующей. Ходит в церковь, приносит домой то святую воду, которую если пить, то избавишься от всех хворостей, то свечки какие-то особые, то бумажки с заговорами от всех бед и напастей, на даче, в столовой, повесила икону. Правда, крестится редко, да и тесть на нее ворчит, не веря ни в водичку, ни в свечки, ни в поминальные и заздравные записочки.

— Деньги зря переводишь, — ворчит он, но всякий раз все реже и тише, видя, как жена с каждым разом все упрямее поджимает губы.

Прохор переступил порог своей квартиры и сразу же наткнулся на испуганный взгляд Дарьи.

— Что случилось? — прошептала она, прижимая руки ко рту, удерживая крик.

— Ничего, — ответил он тоже шепотом.

— Как же ничего! — вскрикнула Дарья, всплеснув руками. — Ты посмотри на себя в зеркало! Тебя били?

— Не кричи: дети услышат, — постарался успокоить ее Прохор, а сам вдруг почувствовал, что вот-вот расплчется.

— Детей нет дома: они в школе. Так что же все-таки случилось?

— Мне бы умыться, — давился он словами, не отвечая на Дарьины вопросы, лишь теперь осознав в полной мере, что с ним произошло. И не только с ним, но и с Дарьей, и с детьми.

Жена помогла ему раздеться, приготовила ванну, заварила какой-то травы и хлопотала над ним, как над ребенком, обмывая его тело, покрытое синяками и ссадинами. Она обтерла его махровым полотенцем и принялась смазывать ссадины йодом, а синяки какой-то заграничной мазью.

— Я их еще встречу, — грозился Прохор, хотя вряд ли узнал бы кого-нибудь из своих обидчиков. — Я им покажу, где раки зимуют. Они у меня помнят...

— И не думай, горе ты мое луковое, — ворковала Дарья, точно рада была возможности поухаживать за своим мужем, вдруг ставшим таким беспомощным. — Одного ты, может, и поколотишь, а потом они тебя так разделают, что я и-и... и не знаю, что с тобой будет. Они ж все боксеры да каратисты, а ты в жизни своей ни в какие секции не ходил. Где уж тебе, горе ты мое. А еще, не дай бог, за нас примутся, за детей... Что тогда? По телеку вон каждый день показывают...

— Что ж, по-твоему, простить? — перебил жену Прохор.

— Не простить, а плюнуть. Ты нам живой и здоровый нужен.

— А такой вот, значит, не нужен? — обиделся он.

— Ну что ты такое говоришь? — возмущалась Дарья. — Сам-то ты себе такой нужен? А калекой ты себе нужен? Они же звери! В них ничего людского не осталось! Их, может, убивать надо. Но не тебе же. Ты, вспомни, даже курицы зарезать не смог — к соседу пришлось идти...

— Значит, тебе я уже не нужен? — упрямо гнул свое Прохор, задыхаясь от обиды.

— Да что ты заладил одно и то же? — всплескивала руками Дарья. — Да ты мне даже без ног, не дай бог случись такое, будешь нужен! Да я тебя никаким не брошу!

И вдруг уткнулась ему в плечо и разрыдалась.

Прохор гладил волосы жены своими большими руками и, запрокинув голову, смотрел в потолок ванной комнаты, и потолок этот, давно не знавший ремонта, шевелился в его глазах белой пеной.

На другой день они отправились в травмпункт. Доктор-хирург, торопливо сунув в карман протянутую Дарьей купюру, осмотрел Прохора, ни о чем не спрашивая, и направил на рентген. Там выяснилось, что у него сломаны два ребра, а из внутренних органов вроде бы ничего не пострадало, но действительно ли не пострадало, выяснится лишь какое-то время спустя.

— Покой и никаких физических нагрузок, — сказал доктор. — Рекомендую бальзам Сидорова, хвойные ванны, витамины и глюканат кальция. А вообще — и так пройдет: организм у вас здоровый, сильный, он с этими болячками справится сам.

— Ну вот и хорошо, — сказала Дарья, едва они покинули травмпункт. — Скоро у детей летние каникулы, поедем в деревню, надо на зиму запастись овощами. Заведем кур и кроликов, может, поросенка. Наделаем колбасы, сала засолим. Я носки стану вязать, из кроличьих шкурок можно будет делать шапки... Помнишь, какая у меня в детстве была заячья шапка с длинными такими ушами? — воскликнула она и радостно рассмеялась. — Помнишь? Ты еще любил дергать за эти уши. — Прохор молчал, и Дарья, вспомнив детство, грустно улыбнулась и вздохнула. — Таких теперь не делают. А мы возьмем и сделаем. Правда? Ничего сложного... А можно продавцом куда-нибудь устроиться. Или нянькой, — тараторила она, стараясь отвлечь Прохора от мрачных мыслей. — Вон Ленка Кулакова, посмотри: устроилась нянькой в китайскую семью и очень довольна. Правда, все у них там расписано по часам и минутам и чтоб ни-ни-ни, так они за это и деньги хорошие платят...

— С трудом представляю тебя нянькой, — проворчал Прохор.

— А торгашкой ты меня лет десять назад мог представить? А себя с пирожками? Мы всегда смотрели на этот народец с презрением. Я и на себя точно так же смотрела совсем недавно. Гляну в зеркало — и аж в дрожь бросит. И сама себе же и скажу: “Дашка, до чего же ты докатилась!”

— Теперь все поставлено вверх ногами: торгашу почет, а работяге плевки да подзатыльники, — проворчал Прохор.

— Ничего! — воскликнула Дарья с непобедимым оптимизмом. — Ничего, ничего! Все образуется — вот увидишь. Как-нибудь переживем это гнус-

ное время, а дальше... Не век же вся эта мерзость будет продолжаться. Да и власти, похоже, стали за ум браться. Поняли, что на нефти да газе не проживешь. Давеча по телевизору президент так и сказал...

— Говорить-то они все горазды. Толку-то с их говорильни никакого. Им главное — свои карманы набить, а чуть что — собрали манатки и за границу.

— Ах, Проша, ну ты опять за свое. А Варюхе на следующий год в институт поступать. Вот и думай, в какой.

— Сама выдумает. Нас не спросит. Мы-то не спрашивали...

— Да, все это так, — потухла Дарья.

И до самого дома они шли молча.

Тут как раз подошли школьные каникулы. Ребра у Прохора если еще и не срослись окончательно, то и не болели, хотя дышать в полную силу не позволяли. Зато он в эти дни вынужденного безделья по винтику перебрал старенький “Москвичок” своего тестя, без которого и дача не дача, а одно сплошное мучение. Дарьины родители еще раньше уехали в деревню, так что Прохору особенно и не пришлось в земле ковыряться, но все остальное: полив, окучивание, удобрение, строительство курятника и клеток для кроликов — он взял на себя. С поросенком, правда, не получилось: поздно спохватились, когда поросят уже и не осталось. А кушать подростка не хватило денег. Потом, уже в начале июня, когда ребра срослись окончательно, Прохор присоединился к тестю, который подряжался на всякие работы у богатых дачников: кому лужайку расчислить, кому дорожку выложить плитками, кому что-то по плотницкому делу. Правда, и здесь была конкуренция со стороны заезжих арбайтеров из бывших “братских республик”, но не такая жестокая, как на рынке, то есть пока еще без драк и поножовщины.

А еще Прохор вкопал за избой толстый столб, обмотал его старым матрасом и долбил его кулаками, пинал ногами, имея в виду когда-нибудь встретить своих обидчиков и расчесть с ними по полной программе, а более всего так, на всякий случай.

* * *

Утро выдалось серое, мглистое, но без дождя. В последнее время неделями так длится и длится, при этом ученые предсказатели погоды каждый день уверяют, что вот-вот она изменится к лучшему. Но погода не хотела внимать заклинаниям небритых предсказателей и длинноногих предсказательниц, и серые дни и ночи тянулись нескончаемой чередой. Хоть бы ветерок подул откуда-нибудь, хоть бы гроза разразилась какая. Нет и нет. Серое равнодушное одеяло висело над головой, заслонив и солнце, и звезды, нагоняя тоску.

Была среда. Дарья вдруг с утра пораньше засобиралась в город посмотреть квартиру — не обобрали ли? — купить лекарств и кое-каких продуктов, потому что в дешенных магазинах, прилепившихся к дачным поселкам, все вдвое дороже и хуже.

— Может, на машине поедешь? — спросил Прохор.

— А бензин? Или не знаешь, сколько он нынче стоит? — вскинулась Дарья. — На автобусе дешевле.

Прохор вызвался ее проводить, а уж потом идти на работу. Они с тестем недели две назад подрядились к одной денежной бабе, служившей в нотариальной конторе, спланировать дачный участок на английский манер, вырыть и устроить фонтан с небольшим бассейном по картинке из какого-то специального журнала. Большая часть работ была выполнена, оставалось немного, и тут тестя скрутил радикулит, так что Прохору теперь надо было отдуваться за двоих.

— Ты что-то там завозился... у этой нотариуши, — произнесла Дарья, искоса поглядывая на Прохора, когда они вдвоем шли к автобусной остановке.

— Завозился... Скажешь тоже. Это ж все перелопатить и передвинуть, что там машинами разворочено. А у ней пятнадцать соток. А бассейн забетонировать да облицевать плиткой — такую-то ямищу. И обваловать вокруг... Я и так стараюсь, чтобы побыстрее, да выше головы не прыгнешь.

— Да видела я, как ты стараешься. Пять минут работаешь, а полчаса перекуриваешь. А эта... толстомордая... так вокруг тебя и вьется, так и крутится, хапуга конторская. Вот уж наплодилось всякой дряни, так наплодилось. И откуда только взялись такие наглые? В телевизор как ни глянешь, так одни мордovorоты, одни жулики на тебя пялятся — плюнуть некуда...

— Ну чего ты, Даш, в самом-то деле? Я что, виноват, что ли? Она меня и обедать оставляет, и ужинать, я ж не остаюсь, домой хожу. А ты... это самое... выдумываешь все.

— Ничего я не выдумываю! — озлилась вдруг Дарья. — Это ты ничего вокруг себя не видишь! Она клинья под тебя так и подбивает, так и вколачивает. У ней денег куры не клюют, а уж мужиков-то она перетаскала к себе самых разных, да, видать, сквалыга та еще, никто возле нее не держится...

— А я-то тут при чем? — хмурился Прохор. — Нужна она мне, как собаке боковой карман. Мне и тебя хватает по самую маковку...

— Вот-вот... То-то же вчера вечером... я к нему и так, и этак, а он хоть бы что, будто я уже и не женщина...

— Да устал я, — оправдывался Прохор. — Потаскай-ка тачки с песком да гравием, да бетонные плиты, да все остальное. Рук и ног не чую к вечеру. А ты... это самое.

— Раньше чуял, а теперь вдруг перестал. Ты мне мозги не пудри.

И Дарья вдруг хлопнула носом и отвернулась.

Прохор шел, хмурился и молчал. Думал: "Всегда у этих баб одно на уме, мужику подумать и порассуждать о жизни как следует не дадут со своими бабскими затеями".

Проводив Дарью, Прохор свернул к дачному кооперативу. Тропинка вилась среди столетних сосен, могучие стволы которых, покрытые панцирной корой с сиреневым отливом, уходили в поднебесье и там бронзовели, окутанные зеленой хвоей. Затем тропинка нырнула в темный ельник и выбежала на поле, на котором когда-то растили хлеба. Теперь здесь грудились двух-трехэтажные кирпичные коттеджи с высокими крышами под цветной черепицей и глухими заборами.

Прохор остановился у знакомой калитки из кованого железа, открыл замок собственным ключом и сразу же направился к сараю, где хранились все необходимые для его дела инструменты: механический культиватор, лопаты, ломы, кирки и грабли. Хозяйка, Инесса Аркадьевна Воловец, дама лет тридцати пяти, обладающая пышными формами, которые распирала ее платье во все стороны самым решительным образом, приезжала на дачу по выходным, но в последние дни, когда Прохор стал работать один, без тещи, появляется по вечерам и в будни, и Прохор, как ни занят работой и по природе своей ненаблюдателен, почувствовал, что Инесса Аркадьевна приезжает сюда исключительно ради него. Тут Дарья совершенно права, и ей для своих выводов хватило всего лишь одного раза побывать на даче у нотариусши. Бабы, они, известное дело, соперницу чуют за версту. Но Прохору эта толстомаяся хозяйка коттеджа и с большой приплатой не нужна, тем более что если поставить ее рядом с Дарьей, то и подумать даже смешно, кто из них лучше.

В этот день Прохор работал как проклятый: он до обеда закончил выкладывать дно бассейна кафельной плиткой и сразу же, без долгого перекура, начал обваловку его бортов снаружи гравием и песком. Оставалось уложить вокруг бетонные плиты и соединить бассейн бетонной же дорожкой с другой такой же. Затем прокультивировать прилегающий к бассейну участок и засеять семенами газонных трав. И все. И работа закончена. Если поднажать, то дня через три-четыре он ее и закончит.

И все-таки Дарьины обидные попреки сидели в его голове и странным образом поворачивали мысли к Инессе Аркадьевне, как бы защищая ее перед Дарьей и даже оправдывая.

"Ну и что? — думал Прохор, трамбуя деревянной трамбовкой землю и гравий. — Ну и что, что подбивает клинья? На то она и баба, чтобы подбивать. Тем более что холостая. И главное — не дура какая-нибудь. Эвон какой домище отгрохала. Дворец, да и только. А что она работает в нотариальной конторе, так в этом нет ничего худого. Было бы у меня или у Дашки соответствующее образование, и мы, может быть, работали там же. И зашибали б деньги, какие нам и не снились. Ведь она же, Инесса эта, не с но-

жом к горлу подступает к своим клиентам, чтобы ей платили, а по тарифу. А без нужной справки попробуй-ка куда-нибудь сунуться. Вот и дантисты тоже гребут лопатой, а без зубов попробуй-ка походи. Пожуй-ка без зубов-то. То-то и оно. И нечего тут завидовать и проклинать”.

Проخور отер пот со лба тыльной стороной ладони и огляделся. Хотел было закурить, но передумал: после курения дыхалка уже не та, а трамбовка — в ней два пуда с гаком. Сам такую соорудил, по собственным силенкам. Однако помаши-ка ею с полчаса, и руки отвالتها у какого хочешь силача. Но Прохору нравится чувствовать себя сильным, а прямо-таки могучим. Возьмешь ее, Дашку-то, на руки, а она как перышко невесомое; обнимешь, а она как былинка прильнет к тебе, и хочется ее защищать от кого-то, прикрывать своим телом, чтобы и видно не было со стороны. И никогда он не жалел, что взял ее в жены, хотя, если быть честным с самим собой, это Дарья взяла его в мужья своей настойчивостью и ласками. А он и не сопротивлялся. И ни разу ей не изменял, ни разу не... Впрочем, нет, иногда засматривался, но дальше этого дело не шло, хотя глазки ему строили многие. Но нынешние бабы не чета прежним: у тех главный интерес в удовольствии, а у нынешних — в этой самой... как ее? — в меркантильности. А какой с него меркантилист... при его-то достатках? Никакого. То-то и оно.

Обедать Проخور, как всегда, пошел домой. И как всегда, за ним прибежали его ребятишки — по Дарьиному, ясное дело, наущению.

— Папа, бабушка уже обед приготовила! — кричала еще издали тринадцатилетняя Натаха, такая же самостоятельная — вся в мать, хотя обличьем в Прохора. А одиннадцатилетний Антон — копия матери, характером — в отца, подходил молча, останавливался рядом и ждал, когда на него обратят внимание. Вот только старшая, Варвара, ни в мать, ни в отца, а, скорее всего, в обоих сразу. Да еще от дедов и бабок что-то прихватила: серьезная не по годам, рассудительная, и в то же время мягкая, как нагретый на солнце воск.

Бог знает, что из них получится при таком противоречивом сочетании содержания и формы.

Мысль эта принадлежит не Прохору, и даже не Дарье, а отцу Прохора, архитектору по профессии. Вот и Проخور пошел ни в отца, ни в мать, не взяв от них ничего, разве что мелочь какую-нибудь, и судьбу выбрал совсем другую. Так в чем тут его вина? Ни в чем. Шел, куда вели обстоятельства. Повели бы в другую сторону, пошел бы в другую. Легко шел по жизни Проخور, и все у него получалось, чего он хотел. А хотел он, если по мерке “новых русских”, совсем немного: семью, дом и работу. Да только жизнь вдруг повернулась к нему боком, как и к миллионам других, и путь стал тернистым, и не видно, что там, впереди. И никакая свобода при таких порядках не нужна. Что с нее толку, если свобода эта не у тебя, а у других, и заключается в том, что эти другие могут тебя грабить, а ты не можешь этим грабителям ни только морду набить, но даже приблизиться к ним на короткое расстояние.

Натаха держала шланг, поливала отцу спину и оглаживала ладонью, Антон ожидал с полотенцем. Вытершись, Проخور поочередно покидал ребятишек вверх, слушая с неизъяснимым наслаждением их визг, радостный и испуганный, чувствуя их легкие тела своими огромными ручищами. После этой обязательной процедуры вышли за калитку, Проخور навесил замок, повернул ключ, и они отправились обедать.

Но и во время обеда смутные мысли не покидали Прохора. И когда возвращался на дачу Инессы Аркадьевны, они бежали наперегонки, сея в его душе растерянность перед тем, что могло бы быть, если бы он захотел. Но все дело в том, что он и сам не знал, чего хочет и зачем суетается в его голове все эти мысли и видения. А все Дашка со своими ревнивыми подзрениями.

Инесса Аркадьевна приехала, когда Прохор, уложив большую часть плитки вокруг бассейна, сидел на чурбаке, докуривая сигарету. Серая пелена в небе потемнела и не двигалась, точно зацепившись за бронзового петуха, восседающего на перекладине над замысловатой башенкой, выполненной в средневековой манере. Прохор слышал, как на улице затормозила машина, но даже не повернулся на этот звук. Во-первых, не обязан; во-вторых, он почему-то боялся сегодня встречи с Инессой Аркадьевной.

Сзади лязгнул открываемый замок, громыхнули железные ворота, заурчал въезжающий на территорию дачи черный лимузин. Затем все повторилось в обратном порядке: ворота, замок, а уж потом по бетонным плитам дорожки зацокали каблучки, все ближе и ближе. И вот она, Инесса Аркадьевна, собственной персоной: в короткой юбке, прозрачной блузке, несколько выпирающий животик, высокая грудь, слегка прикрытая кружевами, густые черные волосы падают на плечи, спадают на высокий лоб, из-под тонких бровей смотрят на Прохора насмешливо черные глазницы; полные губы кричатся лукавой улыбкой, дорожку попирают довольно стройные ноги с полными икрами и круглыми коленками; ну и... то, что выше, тоже вполне соответствует остальному. Очень даже симпатичная баба, и просто удивительно, что не может обзавестись мужем при таких-то достоинствах и деньгах.

— Добрый день, Прохор Алексеевич, — прозвучал певучий голос хозяйки коттеджа.

— Здравствуйте, Инесса Аркадьевна, — ответил Прохор севшим вдруг голосом и медленно поднялся на ноги.

— Боже, как вы много сделали за эти дни, что я не была здесь! — воскликнула Инесса Аркадьевна. — И как это теперь здорово смотрится!

Прохор пожал плечами: не была-то Инесса всего лишь два вечера, — и поискал глазами футболку. Хотя он не впервой предстает перед взором Инессы Аркадьевны в одних только шортах, сегодня почувствовал себя особенно неуютно под ее откровенно изучающим взглядом.

— По-моему, вы заслужили премию за ударную работу, — продолжала хозяйка, обходя бассейн и приближаясь к Прохору.

Она остановилась в двух шагах от него, и он почувствовал терпкий запах ее тела, увидел влажную глубокую ложбинку в вырезе ее блузки, обрамленную тонкими кружевами, отдернул взгляд и произнес:

— Да я что, я не ради премии, а чтобы побыстрее закончить.

— Я понимаю, Прохор Алексеевич, но ведь это и мне выгодно. Согласитесь. К тому же, если мне положены бонусы за ускоренную подготовку документов, то и вам они тоже положены. Таков незыблемый закон, определяющий отношения работодателя с наемным работником. И в этом нет ничего зазорного. Все мы попеременно становимся то тем, то другим. Вы согласны со мной?

— Да-да... То есть я как-то не думал над этим. Но... чем быстрее я сделал одну работу, тем у меня больше остается времени для другой, — отбиваясь Прохор от каких-то там бонусов, боясь показаться жлобом, хотя лишняя сотня совсем не помешала бы...

— Это уж ваше дело. Мое дело — результат, и чем быстрее, тем лучше. Ведь билет на самолет потому и стоит дороже, что быстрее. Не правда ли?

— Да, конечно, — согласился Прохор, вспомнив, что раньше, при коммунистах, зарплата, даже сельщика, мало зависела от быстроты и качества, она зависела от тарифа, от разряда, от фонда заработной платы, который устанавливали сверху и который сокращали, снижая тарифные ставки, в плановом же порядке, будто бы стимулируя тем самым рост производительности труда. Все это были дебри, в которые Прохор не вникал, инстинктивно стараясь не слишком торопиться и не ловить микроны там, где в этом не было особой нужды. А нынче, значит, вон как... Впрочем, эту работу свою он работой не считал: халтура — вот что это такое.

— Так я это... на сегодня все, пошабашил, — пробормотал он, переминаясь с ноги на ногу, хотя, если бы не приезд хозяйки, он бы еще поработал.

— Вы примите душ, Прохор Алексеевич. Не идти же вам в таком виде. А я сейчас включу подогрев...

— Да ничего, спасибо, я так... из шланга.

— Ну зачем же? Все можно сделать по-человечески, цивилизованным образом... Вы идите в душевую, через пять минут вода там будет горячей.

И Инесса Аркадьевна пошла к дому несколько тяжеловатой, но все-таки величественной походкой, а Прохор смотрел ей вслед, видел, как шевелятся и подрыгивают ее ягодицы, как колышется спадающая на плечи густая копна черных волос.

Инесса Аркадьевна вдруг остановилась, оглянулась и, улыбнувшись лукаво, спросила:

— Вас не затруднит принести из багажника сумки? Я буду вам очень признательна.

У Прохора на миг сбилось дыхание. Он вообще-то думал, что вот она сейчас войдет в дом, он отнесет в сарай инструменты, за сараем же опрокинет на себя ведро воды, вытрется полотенцем и пойдет домой. А уж дома примет душ, как это обычно и делал. Но нельзя же отказать женщине в ее пустяковой просьбе. И он, почувствовав себя как бы приговоренным к чему-то неизбежному, что вытекало из причитаний Дарьи на пути к остановке автобуса, ее бесновательных попреков и подозрений, пошел к машине, открыл багажник, вынул из него две сумки и несколько пакетов и потащил их к дому, уже ни о чем не думая и ничего не решая.

— Вот спасибо, дорогой мой! — воскликнула Инесса Аркадьевна каким-то особенным, журчащим голосом, появляясь в дверях в легком халате, по которому были разбросаны пальмы, хижины дикарей и сами дикари, танцующие какой-то свой дикарский танец. — Занесите, пожалуйста, в дом. Если вам не трудно.

Прохор молча переступил порог и вошел в просторный холл с кирпичными стенами, ажурной деревянной лестницей наверх, двумя дверьми, ведущими куда-то, с бронзовыми канделябрами, камином в углу, лосиными рогами, плетеными креслами, напольными китайскими вазами, икебанами из засохших веток и трав и еще какими-то причудами, ему совершенно непонятными. Он бывал здесь пару раз, но не дальше этого холла, и всякий раз чувствовал себя крайне неудобно, будто забрался в чужой дом с преступными намерениями.

Хотя Прохор вырос в семье известных в городе архитекторов, работающих в собственной мастерской, где все эти дачные причуды богатых горожан рождались на бумаге и к чему его готовили сызмальства, он так ничего и не почерпнул из этих премудростей, не проявив способности ни к рисованию, ни к лепке, ни к музыке. В школе учился кое-как, но в старших классах неожиданно обнаружил в себе тягу к математике, и, едва закончил школу, был отправлен родителями в Москву, в университет, на физмат. И не просто так, а с рекомендательным письмом к какому-то профессору, с которым когда-то то ли учились вместе, то ли работали его родители. Однако Прохор к профессору не пошел, сдавал экзамены наравне со всеми и как раз по математике он и провалил экзамены. И не очень огорчился из-за этого. К тому же Москва ему не понравилась своим шумом-гамом, спешкой, многолюдством и невозможностью от всего этого скрыться. То ли дело в их городе, хотя и не самом маленьком в России, но и не таком большом, как Москва.

Из столицы Прохор вернулся домой, где ему грозила армия, которой панически боялись его родители, но почему-то совсем не боялся Прохор. Может, потому, что не задумывался об опасностях, которые его там подстерегали, о возможности попасть в Афганистан, где убивают и калечат. Родители делали все, чтобы их единственное чадо оставалось при них. Они никак не могли допустить, чтобы их сын стал служить обыкновенным солдатом. Даже если бы не было никакого Афганистана, дедовщины и прочих безобразий. Они, на худой конец, согласились бы, если бы он пошел в военное училище, скажем, в политическое или инженерное, но Прохор никуда идти не хотел. Он вообще не знал, чего хочет, и не думал о своем будущем. Он не стал прятаться, “косить” от армии, “отмазываться”, то есть ходить по хорошо знакомым его родителям врачам, которые могли бы обнаружить в нем болезни, несовместимые с армейской службой, и когда пришла повестка, отправился в военкомат. Его, к ужасу матери, призвали во флот, где по непонятным причинам топили подводные лодки и сталкивались надводные корабли — особенно часто в последние годы. На флоте Прохор познакомился с живой техникой, познал радость подчинения этой технике своей воле и, вернувшись на гражданку, устроился на завод и стал токарем. Всего-навсего. Чем отрезал для себя доступ в те круги местного “света”, в которых вращались его родители.

Поставив сумки у порога, Прохор попытался было назад, но Инесса Аркадьевна удержала его.

— Прохор Алексеевич, да вы проходите, не стесняйтесь! Вот там у меня душ, ванна... Можете принять ванну, если хотите...

— Да мне... мне инструмент еще надо убрать, — стал отговариваться Прохор. — Да и грязный я, в цементе весь, напачкаю там у вас, — и он стал отколупывать ногтем прилипшую повыше колена цементную лепешку.

— Нет, ну право же, какой вы, однако... несмелый, — заворковала Инесса Аркадьевна. — Такой большой, сильный, а такой робкий. В наше время нельзя быть робким. В наше время надо быть не только смелым, но и нахальным, наглым даже, циничным, иначе сотрут в порошок... — И она вдруг повернулась как-то неожиданно и стремительно, хотя в этом вроде бы не было никакой нужды, легкие полы ее халата взлетели вверх и открыли ее ноги, бедра, охваченные кружевными трусиками, а на одном из бедер замысловатую татуировку в виде завитушек, листьев и переплетенных стеблей.

Ах, зря Инесса Аркадьевна так разоткровенничалась с ним, напомнив ему слякотный весенний день, темный переулочек и размешанную ногами грязь у самого лица. А татуировка — или как там она сегодня называется — лишь подчеркнула принадлежность этой бабы к тем парням, нахальным, наглым и безусловно циничным. И в душе у Прохора что-то поднялось темное и мохнатое, он сжал кулаки, повернулся и вышел на крыльцо.

Убрав инструменты, он даже не стал обмываться и переодеваться, собрал свою одежду, сунул в сумку и решительно пошагал домой, повторяя одно и то же, как привязавшийся мотив какой-нибудь глупой песни: “Значит, нахальным? Значит, наглым и циничным? Вот оно, оказывается, как. А я-то думал, что все они против своей воли. Жертвы обстоятельств, так сказать...” И останавливался и мотал головой в изумлении, точно вся суть нынешней жизни открылась для него только сейчас, после слов Инессы Аркадьевны. Затем шел дальше, и снова те же слова, только в другой последовательности, возникали перед ним некой светящейся рекламой, тускнели и вновь проявлялись среди темных стволов деревьев.

Но дальше этих слов Прохор не углублялся, хотя в них и не было ничего необычного, но произнесенные Инессой Аркадьевной, они неожиданно приобрели особенно зловещий смысл, будто лишая Прохора будущего, обещающая еще большую власть над ним и его близкими каких-то темных сил, возникших в его стране будто бы из ничего, прочно ухвативших своими грязными руками все рычаги власти и обыденной жизни, контролируя каждый его, Прохора, шаг, не позволяя отойти в сторону ни на миллиметр, хотя сами давно обосновались в каких-то запредельных даях, в стороне от жизни народа, понастроили себе яхт, понакупили дворцов и замков, даже заграничные футбольные команды, и кривляются там, в этих даях, и похихикивают над ним, над Прохором, и ему подобными людьми, уверенные в своей безграничной власти над ними и безнаказанности.

И по-новому Прохор взглянул на окружающий его мир, ставший вдруг чужим, и кулаки его сами собой сжимались до боли в пальцах, и скулы свело от переполнявших его чувств отчаяния и ненависти, каких он не испытывал в своей жизни еще ни разу. Даже и после того, как его побили. Но что делать, чтобы как-то изменить свое положение и обеспечить будущее своих детей, Прохор представлял весьма смутно, хотя и понимал, что дальше так продолжаться не может, что однажды что-то случится страшное и с ним, и со всем этим миром, потому что... потому что куда ж ему деваться, если все останется так, как оно есть, как задумывалось и осуществлено как раз теми самыми наглыми и циничными?

Прохор не прошел и половину пути, не додумал свои тяжелые мысли, как на лесной дорожке появилась сама Дарья, да еще с детьми, — всеми тремя сразу, — словно шли они спасать его от когтей и лап неведомого чудовища.

— Господи! — воскликнула Дарья сварливо. — Мы уж ждем-пождем, а тебя все нет и нет. Загулял мужик... Вот решили проведать, как ты тут управляешься...

— А чего проведывать? Маленький я, что ли? — сердито ответил Прохор, еще не отойдя от своих сердитых мыслей.

— Ну, не маленький, а все-таки... Устал, поди, — сразу же перемени-

ла тон Дарья, увидев, что муж ее даже не ополоснулся после работы. — Небось, проголодался...

— Есть маленько.

— Ну, пошли, пошли... Дома помоешься.

Вечером, после ужина, сидели всей семьей перед телевизором. Только что закончилась очередная серия бесконечного сериала, в котором бесконечные любовные треугольники сменяли друг друга, кого-то убивали, кого-то ловили и разоблачали — все то же самое, что и в других сериалах. Затем стали передавать местные новости: заседания, совещания, дорожные происшествия, убийства, ограбления, пожары, рекламу машин, колбас, чудодейственных напитков и таблеток. И вдруг диктор, молодой парень, сообщил, — как о событии весьма заурядном, то есть наравне с квартирными кражами и дорожными происшествиями, — что на местном станкостроительном заводе контрольный пакет акций выкупило государство, что в самое ближайшее время намечается возобновление производства металлообрабатывающих станков с программным управлением, что заводу требуются инженеры, техники и рабочие соответствующих специальностей.

— Чего-чего-чего? — векинулся Прохор, возившийся с сыном.

— Наш завод открывают, — с изумлением произнесла Дарья и обвела всех испытующим взглядом, словно хотела удостовериться, что это сообщение ей не померещилось. И тут же, по обыкновению всплеснув руками: — Боже мой, так надо ж ехать! Бросать все и ехать в город! А то наберут кого ни попадя, а мы останемся с носом.

— Так ты ж ездила, неужто никто и ничего? — изумилась Прохорова теща, Таисия Егоровна.

— Да откуда ж, мам? — воскликнула Дарья. — Мне и в голову не пришло спрашивать. И к заводу я не ездила. Чего бы я там делала? Все по магазинам да аптекам. И никто ни словом, ни полсловом об этом не обмолвился...

И старики тоже заволновались, тем более что тесть всю жизнь проработал на этом же заводе сначала слесарем, затем мастером, а теща, хотя последние годы не работала на самом заводе, зато работала медсестрой в заводском детсадыке. И все продолжали тарашиться в телевизор в надежде, что повторят еще раз, объяснят подробнее, что и как, но молодого человека сменила молодая женщина, которая стала рассуждать о том, что модно в этом году на турецких, кипрских, тайских и прочих пляжах. Однако рассуждения эти лишь раздражали своей вопиющей неуместностью, и телевизор переключили на мультики.

— Эдак, того и гляди, и я там понадобится, — сказал тесть, Николай Степанович, и, держась одной рукой за поясицу, повернулся и посмотрел с надеждой на свою жену.

— И не думай, и не мечтай! — отмахнулась Таисия Егоровна. — Мы свое оттрубили. Хватит. Вы, значит, подадитесь в город, а я одна с детьмиковырайся? Да огород на мне, да сад. Да живность. Это как понимать? Нег уж. Чай не молоденькая, силы уж не те. А они, сорванцы этикие, на месте и минуты не посидят. Где уж мне за ними усмотреть. Да Петька своих притащит, да Анька... Хоть ложись и помирай. Особенно с Анькиными балбесами...

— Мам, — вступилась за брата и сестру рассудительная Дарья. — Петру-то с какого боку наш завод? Он как шоферил, так и дальше шоферить будет. И Анне тоже ни к чему: она на цветах и так неплохо зарабатывает. И дети у свекрови пристроены. Да и вообще... Вы-то чего всполошились? Если мы с Прошей вернемся на завод, то все наладится...

Но, несмотря на столь решительное заключение, весь вечер разговоры только и вертелись вокруг сообщения и возможных изменений в их неустроенной жизни. И даже тогда, когда легли спать, Прохор все вздыхал и ворочался, вставал, выходил покурить, и Дарья слышала, как на крыльце бубнили два мужских голоса. Это продолжалось до тех пор, пока Таисия Егоровна не разогнала мужиков по спальням.

И тут Прохор, едва улегшись на кровати рядом с женой, почувствовав тепло ее тела, вдруг так отчетливо увидел взлетевшие полы халата Инессы Аркадьевны, что, не мешкая, повернулся к Дарье, притворявшейся спящей, осторожно обхватил ее своими лапами, прижал к груди, и оба засопели, копошась под одеялом.

Утром, за завтраком, решили, что в город снова, и сегодня же, поедет Дарья, все разузнает, как и что. И Дарья тут же засобиралась, волнуясь, точно на собственную свадьбу.

Прохор, как и вчера, пошел ее провожать.

На остановке автобуса собралось народу больше, чем обычно. И все разговоры вертелись вокруг вчерашнего сообщения об открытии завода. Даже бабки — и те туда же. Да и то сказать: сколько многие из них себя помнят, их жизнь была связана с этим заводом, с каждым годом прираставшим новыми производственными корпусами, так что его корпуса и прилегающие к нему жилые кварталы захватили несколько деревень и окружающие их поля. И вот, когда никакой надежды не оставалось, она вдруг явилась в лице молодого человека с телевизионного экрана, который, скорее всего, даже и не представлял, что за весть он сообщил постепенно умирающему заводскому поселку.

Посадив Дарью в автобус, Прохор пошагал на дачу Инессы Аркадьевны с твердым намерением закончить всю работу послезавтра, и ни днем позже, хотя бы для этого пришлось расшибиться в лепешку. Затем воскресенье посвятить своей даче, чтобы в понедельник, с самого утра... Он шел с той спокойной уверенностью в себе, когда твердо знают, что ждет их впереди. А впереди его ждал завод, где не будет места таким стервам, как эта Инесса — и всем прочим тоже, — где не нужно становиться ни нахальным, ни наглым, ни циничным.

Хотя был четверг, то есть рабочий день, машина Инессы Аркадьевны стояла на своем месте под навесом, но самой хозяйки видно не было: спала, наверное. И Прохор, стараясь особо не греметь, приступил к работе. Он перетаскал из штабеля у ворот оставшиеся цементные плиты, разложил их вокруг бассейна и вдоль будущей дорожки, чтобы потом, начав укладку, иметь их под рукой, затем принялся дорожку засыпать песком, и когда уже почти закончил, на крыльце появилась Инесса Аркадьевна, все в том же халате, в босоножках и соломенной шляпе.

— Доброе утро, Прохор Алексеевич! — издали поприветствовала она его своим певучим голосом.

Прохор разогнулся, глянул на хозяйку, усмехнулся с видом человека, которому известно нечто такое, что не известно никому.

— Добрый день, Инесса Аркадьевна! — весело откликнулся он. А про себя подумал, снисходя к человеческим слабостям: “Время уж скоро двенадцать, а ей все еще утро”.

— Не хотите ли кофе, Прохор Алексеевич?

— Нет, спасибо. Я уже пил.

— Ну, это когда было! Тем более что работа у вас такая тяжелая, столько калорий требует...

— Работа как работа. Ничего особенного, — не стал кочевряжиться Прохор: пить, действительно, хотелось, и перекусить не помешало бы тоже. В конце концов, что тут особенного? Ничего. В иных местах он не отказывался от угощений, видя, что это доставляет хозяевам удовольствие. Да и как же иначе? — русские же люди, у которых хлебосольство в крови. Он бы и сам на их месте поступал точно так же. Правда, Инесса Аркадьевна совсем другое дело, но сегодня и она не имела над ним былой власти, которая могла бы возобладать, позволь он себе сделать в этом направлении хотя бы один шаг.

А с другой стороны рассудить, он ведь об этой бабе ничего не знает: ни где и как она росла, ни кто ее родители, ни в каких условиях она обретается в настоящее время. Неизвестно, каким бы стал он сам, окажись на ее месте. Опять же, вряд ли она счастлива со всеми теми качествами, которые считает необходимыми для современного человека. Уже хотя бы потому, что живет одна, как перст, в этих своих хоромах. Да и в городе, поди, квартира не хуже. А счастья нет. Вот и кидается на мужиков, потому что для бабы счастье — это когда семья, дети, муж, на которого можно положиться. Если бы ему, Прохору, предположим, подарили такой же вот дом и сказали, чтобы жил в нем один, без Дарьи и детей, он бы лишь посмеялся на такое предложение. А Инесса живет и, посмотреть со стороны, в ус, похоже, не дует.

И Прохору даже стало жалко эту неудачницу.

А Инесса Аркадьевна уж рядом, в руках поднос, на подносе кофейник, маленькая изящная чашка и большая кружка, и все прочее, что положено для кофе.

Прохор разогнулся, отряхнул с рук песок.

— Ну что ж, кофе так кофе, — произнес он благодушно.

Инесса Аркадьевна поставила поднос на борт бассейна, предложила, беря в руки кувшин:

— Давайте я вам солью на руки.

— Давайте.

Они пили кофе, сидя на углу бассейна, и Прохора уже не смущали взгляды хозяйки коттеджа, точно он был заговоренный. К тому же Инесса Аркадьевна вела себя не так развязно, как обычно. В ней даже выказывалась некоторая робость: она то и дело поправляла расплзающиеся полы халата, прикрывая им колени, и верхняя пуговица на халате была застегнута, так что виднелась лишь часть ложбинки между грудями, уходящая под халат. Возможно, это была игра опытной самки, но Прохор так глубоко не вникал в ее поведение.

— Вот вы у меня закончите через несколько дней, — заговорила Инесса Аркадьевна, когда половина большой кружки Прохором была выпита и съедены две калорийных булочки. — И что будете делать дальше?

Прохор хотел сказать, что дальше будет завод, но вдруг с испугом подумал, что это еще только, как нынче говорят, сообщение о намерениях, а когда эти намерения воплотятся в жизнь, не знает никто. Да и найдется ли ему, Прохору, там место? Вдруг не найдется? Вдруг заменят арбайтерами? Им же платить надо меньше, им и общежития хватит, а чуть что — и за ворота... Все может быть. К тому же не стоит загадывать заранее — нехорошая примета.

И он лишь пожал плечами, дожеввал булочку, допил кофе и лишь после этого открыл рот:

— Еще не знаю. Там будет видно.

— А у меня есть к вам предложение. Только вы дайте мне слово, что не станете отказываться, хорошенько не взвесив все за и против.

— Хорошо, даю, — великодушно согласился Прохор.

— Мне нужен садовник, сторож, короче говоря, человек, который бы следил за моей дачей, поддерживал здесь порядок и охранял ее. Я бы хорошо платила за эту работу.

Прохор в душе изумился столь неожиданному предложению, настолько оно показалось ему нелепым, унижительным и черт знает каким. Даже и за хорошие деньги. И он уж хотел все свое изумление выплеснуть на голову этой... этой бабы, но Инесса Аркадьевна выставила вперед раскрытые ладони, как бы защищаясь от его слов, готовых сорваться с языка и все испортить. И Прохор лишь передернул плечами.

— Спасибо за предложение. Я подумаю, — произнес он и широко улыбнулся, довольный, что сдержался и не наговорил дерзостей, а главное — не выдал своей тайны. — И за кофе спасибо тоже, — спохватился он, уже встав на ноги.

— Ах, какая у вас хорошая улыбка! — воскликнула Инесса Аркадьевна, и полы ее халата разъехались, открывая загорелые ляжки и знакомую татуировку.

— Извините, но мне надо работать, — произнес Прохор, с трудом отрывая взгляд от ее ног.

— Да вы отдохните немного! — продолжила Инесса Аркадьевна, тоже вставая. — Нельзя же вот так сразу... после еды: это очень вредно для здоровья.

— Мне можно, — не согласился Прохор. — К тому же на днях обещают дожди, а тут еще работы...

И он решительно подхватил тачку и покатыл ее за очередной порцией песка.

Он не видел, с какой тоской смотрела на его широкую спину Инесса Аркадьевна, как теребили в растерянности пальцы ее рук витой поясok халата. И даже не чувствовал этого ее призывного взгляда. В Прохоре все ликовало и пело, точно он совершил нечто невероятное, или открыл что-то в самом себе и окружающем его мире, или освободился от чего-то такого, что и названия не имеет в человеческой речи.

Он кидал в тачку песок совковой лопатой и не чувствовал ее веса. А тут неожиданно выглянуло солнце, мгла разошлась, превратившись в легкие облачка, открылось синее-пресинее небо. Прохор глянул в это небо, будто видел его впервые, и тихо рассмеялся. И подумал сам про себя: “Дурак ты, Прошка!” — но подумал с радостью, даже с гордостью и глубоко вдохнул воздух, густо напоенный запахом цветущего жасмина, и запах этот напомнил ему сегодняшнюю ночь, Дарью, с таким неистовством целовавшую его, как не целовала в далекой молодости.

Когда от ворот он катил к бассейну тачку, с горой нагруженную песком, Инессы Аркадьевны уже не было видно.

— А я с хорошей вестью, — встретила Прохора Дарья, едва он вечером переступил порог их избы. — Была на заводе. Отдел кадров работает, людей набирают. Видела кое-кого из наших, из сборочного. Работают такелажниками, распаковывают оборудование, монтируют. Старый конвейер еще раньше растащили на металлолом. Даже провода и те повывдирали. Теперь все делают заново. Строители работают, стены новые кладут, штукатурят. А в твоем цехе осталось всего несколько станков, и то самых старых: все растащили, разворовали. Говорят, начальник производственного отдела Скоков у себя на даче целую мастерскую открыл: там у него и токарные станки, и фрезерные, и какие хочешь. И всякого металла тоже натаскал. Делает кинжалы, сабли, мечи там и прочее и продает новым русским. А, помнится, был членом парткома, такие слова красивые говорил — и на тебе: жулик и вор.

— Так чего уж тут, — решил заступиться за бывшего начальника Прохор. — Жить-то и ему тоже надо как-то. Не челночить же. Вот он и крутился. А воровали все...

— Мы-то с тобой даже гвоздя с завода не принесли. Гайки паршивой! — воскликнула Дарья не то с возмущением, не то с сожалением.

— Так у кого было больше власти, тот больше и украл. А мы с тобой в это время ушами хлопали... И нечего об этом жалеть.

— Ладно, чего там! — махнула рукой Дарья. — Иди мойся, а то ужин стынет.

За ужином Дарья продолжила докладывать о том, что видела и узнала:

— Я в отделе кадров себя и тебя записала. Чтобы, значит, имели в виду. А открывать завод официально намечается к концу года. Но подготовительные работы идут уже полным ходом. Мне там работа по специальности пока не светит, говорят, что технических контролеров переучивать будут. А только курсы по переподготовке в октябре заработают. Можно, конечно, и мне устроиться: где чего помыть, почистить, убраться. Но там арбайтеров и без меня хватает. И платят мало. А ты хоть завтра можешь работать в инструментальном. Зарплата от двадцати тысяч и выше. Начальником там Васька Чугунов, ты его знаешь. Говорит, пусть приходит, с радостью возьму. Так что сам решай, что делать.

— Конечно пойдю, — удивился Прохор непонятливости жены. — Вот завтра-послезавтра закончу у Инессы — и домой. Чего мне тут зря околачиваться? А ты тут пока...

— Вот еще выдумал! — возмутилась Дарья. — Ты там, а я, значит, тут?

— И правда, поезжайте вместе, — поддержала Дарью Таисия Егоровна. — Без вас как-нибудь управимся с внуками. Не беспокойтесь. А то мало ли — займут ваши места, будете кусать локотки, да поздно.

На том и порешили.

На другой день Прохор на дачу к Инессе Аркадьевне пришел вместе с тестем. Тот вроде бы оклемался от своего радикулита после интенсивной терапии своей жены, а таскать культиватор хотя тоже не легкое дело, однако и не такое уж тяжелое. Вдвоем, глядишь, они сегодня и закончат все подчистую.

Так оно и случилось. И даже раньше, чем Прохор рассчитывал. Они убрали инструмент, собрали мусор, протерли бассейн и подмели вокруг, включили фонтан, отрегулировали струю, полюбовались немного и только после этого Прохор позвал Инессу Аркадьевну, загоравшую в шезлонге за домом, посмотреть и принять их работу.

Инесса Аркадьевна отложила книжку, встала лениво, с неохотой. Так же лениво, без всякого интереса окинула взором произведенные работы,

покивала головой, ушла в дом, вернулась и вручила Прохору конверт с деньгами.

— Здесь вам, Прохор Алексеевич, и за работу, как договаривались, и за досрочное исполнение. Проверьте.

— Да чего там! — отмахнулся Прохор. — Я вам и так верю.

— Доверяй да проверяй, — произнесла Инесса Аркадьевна, но без былой убежденности, а как бы по привычке. А потом добавила без всякой надежды на понимание: — И все-таки вы не забывайте о моем предложении, Прохор Алексеевич.

Глаза Инессы Аркадьевны при этом были тусклыми, безжизненными какими-то, так что Прохору снова стало жаль ее, и до такой степени, что в нем даже шевельнулась мыслишка: “А может, надо было... того самого... человек все-таки... можно сказать, несчастный человек... и меня бы не убило”, — но мыслишка в голове его не задержалась, промелькнула и пропала без всякого следа.

— Вот нынче считается, что деньги — это все, — заговорил тесть, когда они отошли от дачи Инессы Аркадьевны на почтительное расстояние, открыли конверт и пересчитали полученные деньги: все было так, как уговаривались при найме, и даже порядочно сверх того. — А для чего человек живет? Для денег? Нет, не для денег. Для счастья человек живет — вот для чего. У этой бабы денег куры не клюют, а счастья ни на грош. Я это еще два года назад заметил, когда она только начинала строить свой дворец. — И пояснил: — Я у нее тогда тоже подхалтуривал по земельной части. — Затем продолжил: — И парень какой-то возле нее крутился, лет на десять-пятнадцать моложе... из этих, из нынешних: муж не муж, а черт знает кто. Ха-халь, одним словом. Ходит, поплеывает, все ему трин-трава. Он бы эту Инессу и убил бы за милую душу: такая у него, если приглядеться, рожа бесовская. Если бы тюрьмы не боялся. И если бы знал, что это все ему достанется. Да. И вот скажи мне на милость, как это они, молодые, настраивают себя на таких баб? Может, какие таблетки глотают, чтобы, значит, желание появилось? А? Как ты сам-то на это смотришь?

— Может, и глотают. Кто их знает, — ответил Прохор и полез в карман за сигаретами, чтобы отогнать прочь воспоминания об Инессе Аркадьевне, которые, как он ни старался, продолжали будоражить его душу чем-то, что могло быть, но не случилось.

— Я бы ни в жизнь не сумел, — продолжал тесть, которого проблема эта задела за живое. И не сегодня, видать, она его задела, не сейчас то есть, а жила в нем давно. — А теперь у ней даже хахали перевелись, — добавил он будто бы даже с сожалением. И заключил: — Такая вот, брат ты мой, жизнь пошла по нынешним временам. — И захекал отчего-то, словно в горло мошка попала или еще что.

И Прохор догадался, что тесть подумал о том же самом, о чем полчаса назад шевельнулась в его голове бесполезная мыслишка, вызванная жалостью к одинокой бабе, но разубеждать тестя не стал, решив, что тесть, скорее всего, лукавит: он бы от Инессы не отказался, да только вряд ли ему и таблетки бы помогли.

Прохор шагал, тяжело переставляя ноги, не глядя по сторонам и ни о чем не думая. Он чувствовал себя уставшим до крайности и постаревшим лет на десять, если не больше, но почерпнувшим из жизни некую мудрость, которая примиряла его со всеми сразу.

* * *

На оформление по специальности у Прохора ушло часа три. Во-первых, начальница отдела кадров была знакомой женщиной, когда-то рядовой сотрудницей принимавшая его на работу. Во-вторых, народу в отделе кадров оказалось совсем немного, а Прохор-то думал, что там непременно образуется очередь. И в медсанчасти его продержали тоже не слишком долго, потому что там имелась его медицинская карточка еще с давних времен, и ни терапевт, ни окулист, ни хирург не нашли у него никаких отклонений от нормы, мешающих стоять за станком, — чай не в космонавты напрашивался. Затем

его сфотографировали, и через десять минут он получил новехонький пропуск на завод, с магнитной полосой и еще какими-то ухищрениями. А завтра, значит, с утра на работу. Вот так вот сразу — с разбитого корабля на бал. Но на бал ли? — это как раз завтра и станет видно.

Утром Прохор проснулся рано, маленько помахал руками, затем тщательно выбрился и принял душ. А завтрак уже ждал его на столе. Дарья, тоже подымавшая ни свет ни заря, помогла ему одеться... не то чтобы как на праздник, но все-таки, тем более что не на халтуру собирался ее муж, а на работу. И сидела рядом, подпершись по-старушечьи рукой, и глаз с него не спускала, так что Прохору даже стало неловко.

— Ну чего ты уставилась на меня, будто я на войну собираюсь? — не выдержал Прохор.

— Да как же? — вздохнула Дарья. И добавила: — Даже и не верится. Еще дня три назад ломала себе голову, как зиму перекантоваться, а тут вот на тебе. Я уж и забыла, как это — идти на работу. Смотрю на тебя и думаю: пойдешь, а там опять что-нибудь придумают. Или банда какая-нибудь захватит завод. Или еще что. Все эти годы на нервах жила, казалось, что другой жизни будто бы и не бывает.

— Ничего, привыкнем, — утешил жену Прохор, который был почему-то убежден, что с того самого дня и даже часа, как передали по телевизору о возрождении завода, он поверил в это возрождение накрепко, и потому никакие сомнения его не мучили.

Выпив кофе, Прохор встал из-за стола, поблагодарил, пошел в прихожую, обулся, надел куртку. Дарья его огладила, что-то сняла, что-то поскребла ногтем, вздохнула еще раз и сказала:

— Ну... иди. Если что, позвони. Я ждать буду.

И Прохор, чмокнув жену в щеку, вышел на лестничную площадку.

Лифт был занят. Он то поднимался где-то там, внизу, то останавливался, то снова опускался, и Прохор, потоптавшись в нетерпении пару минут, потопал вниз: стоять на одном месте и ждать казалось ему делом совершенно невозможным.

Начальником цеха, действительно, оказался Васька Чугунов, теперь, правда, уже Василий Степанович. С ним они когда-то начинали работать на соседних станках, затем он, Васька то есть, выучился заочно на инженера, стал сперва технологом, затем начальником участка, а перед самым развалом, который назвали перестройкой, — заместителем начальника цеха. Теперь вот и в начальники выбился. Поэтому и встретил Прохора как родного, буквально с распростертыми объятиями. И даже предложил пойти работать мастером, но Прохор отказался:

— Не умею я, Степаныч, людьми командовать. Пробовал — не получилось у меня. Я даже женой командовать не умею, — признался Прохор и поковырял мозоль на своей ладони.

— Так ты, Прохор Алексеевич, если насчет зарплаты, так не сомневайся. Теперь не старые времена. Теперь мастеру платят больше, чем самому квалифицированному рабочему, потому что от него, от мастера, зависят и производительность труда, и моральный климат в коллективе.

— Вот-вот, именно поэтому.

— Ну, тебе, как говорится, виднее. Пока могу предложить работу на инструментальном участке. Надо оснастку для основного производства делать, без хорошей оснастки, сам знаешь, поточное производство не наладишь. А потом, когда все утрясется, посмотрим, куда тебя определить. Пойдем, покажу тебе твой станок, познакомлю с мастером.

Они вышли из кабинета и пошли по цеху, где гремело железо, вспыхивали огни электросварки, тянули провода электрики, бетонщики готовили под станки фундаменты, стекольщики вставляли новые стекла в огромные окна, под потолком ползала кабинка крана... — и ни одного шатающегося без дела, ни одного дымка сигареты.

Инструментальный участок располагался в каком-то закутке. Здесь уже работало человек пять — все старики, все хорошо известные Прохору люди. Но он не стал останавливаться, лишь помахал им рукой, шагая вслед за начальником цеха, и ему в ответ помахали, а кто-то крикнул:

— Привет, Проша! С праздником тебя!

И это было так хорошо, так легло на душу чем-то теплым и большим, что Прохор даже испугался: вдруг начальник цеха или еще кто увидит, как повлажнели его глаза.

Мастер инструментального участка был молод, долговяз, узок в плечах, носил очки. Прохору он был совершенно неизвестным человеком, в том смысле, что в заводском поселке Прохор знал всех, а этот, стало быть, со стороны.

— Павел Антонович Судариков, — представил мастера Василий Степанович. И, слегка подтолкнув Прохора к мастеру, пояснил: — А это Прохор Алексеевич, лучший токарь нашего завода. Прошу, как говорится, любить друг друга и жаловать. Дай ему, Павел Антонович, станок и обеспечь работой. А там посмотрим. — Тиснул Прохору руку, пожелал успехов, повернулся и пошел.

Павел Антонович подвел Прохора к станку, далеко не новому и не самому лучшему из тех, на которых Прохору доводилось работать, и, проведя пальцем по покрытому пылью зеленому боку, сконфуженно произнес:

— Вы уж извините, что такое старье, но новые ждем со дня на день, и как только придут, мы все это старье... а пока ничего не поделаешь...

— Все нормально, — постарался успокоить мастера Прохор. — Работать можно и на этом.

— Так вы пока приведите его в порядок, а я подберу вам работу... — И спохватился: — Да! Вы же еще не получили спецформу! Пойдемте, я распоряджусь.

И через полчаса у Прохора была не только форма, очень похожая на ту, в каких ходят космонавты, то есть красивая и хорошо подогнанная, но и шкафчик в раздевалке, и талон на обед, и карточка для посещения бассейна.

Пока он возился со своим станком, к нему подходил то один рабочий, то другой. Жали руку, спрашивали, как и что, и он тоже спрашивал, и выяснилось, что из старых рабочих пришли на завод немногие: одни вышли на пенсию, другие неплохо устроились и не хотят покидать доходные места, а на заводе еще неизвестно, как получится, третьи чего-то ждут в надежде на лучшее.

Но все это было не главное. Главное началось тогда, когда Прохор, в новенькой форме, в какой не стыдно показаться и на людях, пошел в инструментальную кладовую, получил там штангеля и микрометры, разные ключи, напильники, молотки, отвертки, наждачную бумагу, затем, разложив все это по ящикам в железной тумбочке, ветошью протер станок, вычистил поддон, залил масло, нажал на черную кнопку — и станок зазвучал, что твой симфонический оркестр, где, если прислушаться, можно различить и шелест шестеренок, и гул мотора, и тонкий посвист приводных ремней.

А тут как раз мастер принес чертежи и, несколько стесняясь, попросил сделать кое-какие детали дня за два... если это возможно.

Прохор глянул в чертежи и, усмехнувшись, спросил:

— А вы, Павел Антонович, до этого где работали?

— Нигде, — вскинул голову мастер и поправил на длинном своем носу очки. — Но я, когда учился, проходил практику на мясокомбинате, — поспешно сообщил он. И пояснил: — Там тоже есть ремонтный цех, и станки имеются, и все прочее. Конечно, это не завод, но так уж вышло. — И спросил с тревогой: — А что, что-нибудь не так?

— Да нет, все так. Привыкнете. Тут работы на два-три часа, не больше.

— Да? Вот как! Но у нас, знаете ли, пока нет нормировщика, а сам я еще плаваю в этих вещах.

— Ничего, не все сразу, — успокоил его Прохор. — Разберетесь.

— Спасибо вам, Прохор Алексеевич. Я постараюсь.

И мастер отошел от станка, длинный, нескладный, какой-то чужой в этом гуле, грохоте и суете.

А Прохор, отрезав от болванки механической пилой нужные ему по размеру стальные диски, — заготовительный участок еще не работал, — вернулся к станку, зажал заготовку в патрон и вдруг почувствовал, что в груди у него все как-то сжалось, перебив дыхание, и все поплыло перед глазами, закружилось и не сразу встало на свои места. Он полез в карман, достал пла-

ток и сделал вид, что ему в глаз попала какая-то соринка. Потом огляделся. Но все были заняты своими делами, никто на него не смотрел, никто не заметил его минутной слабости.

И Прохор, глубоко вздохнув, нажал кнопку, установил нужные обороты и подвел к вращающейся заготовке резец. И только после этого почувствовал, что вернулся в родную стихию, где все понятно, где каждое его движение как бы освящено десятилетиями труда миллионов таких же, как он сам, тружеников. И каждый поступок, и каждое желание — тоже.

Резец коснулся заготовки — и стальная стружка, свиваясь в сизую спираль, поползла вниз... как и много-много лет тому назад.

18 декабря 2007 — 20 январь 2008 г.